

9(с)
Б-306

БИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ СОАИ СССР

БАХРУШИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
1966 г.

Выпуск I

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ
АРХЕОЛОГИЯ

НОВОСИБИРСК
1968

475714

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТИТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ СО АН СССР

БАХРУШИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
1966 г.

Выпуск I

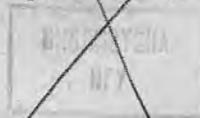
МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ
АРХЕОЛОГИЯ

НОВОСИБИРСК
1968

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. К. АЛЕКСЕЕВА (ответственный секретарь), В. И. БОЙКО,
Л. М. ГОРЮШКИН, М. М. ГРОМЫКО, Н. Я. ГУШИН,
И. П. ЛАРИЧЕВА, Л. Ф. ЛИСС, Ф. А. ЛУКИНСКИЙ (зам.
ответственного редактора), Н. В. РЕВЯКИНА, М. И. РИЖ-
СКИЙ, В. Л. СОСКИН, А. П. ОКЛАДНИКОВ (ответственный
редактор).

~~200889~~

475714

ИНФОРМАЦИЯ
ИГ

9(с)

Б308

От редакции

Настоящий выпуск научных трудов Новосибирского университета (серия исторических наук) содержит материалы состоявшейся в 1966 г. в НГУ научной конференции, посвященной памяти члена-корреспондента АН СССР С. В. Бахрушина.

Хорошо известно, насколько широки и разносторонни были научные интересы С. В. Бахрушина. Выдающийся историк СССР, блестящий знаток истории Сибири С. В. Бахрушин всегда уделял большое внимание также и проблемам всеобщей истории и вопросам методологии исторической науки. И вполне естественно, что в конференции, посвященной памяти ученого приняли участие не одни только историки СССР. На нее представили свои доклады и сообщения также и представители других отраслей исторической науки: специалисты по всеобщей истории, археологии, социологии.

Предпринимая издание трудов конференции, редакционная коллегия сочла целесообразным выделить эту группу докладов в особый выпуск, который и предлагается вниманию читателей.

А. П. ОКЛАДНИКОВ, А. Н. КОПЫЛОВ

С. В. БАХРУШИН КАК ИСТОРИК СИБИРИ

С. В. Бахрушин начал свой творческий путь как буржуазный историк, а закончил его как один из ведущих советских ученых в области изучения истории феодализма в России.

К октябрю 1917 г. С. В. Бахрушин был уже признанным ученым, профессором Московского университета. Однако основная его научная деятельность развернулась после Великой Октябрьской социалистической революции. Из 160 его работ 150 опубликованы в советское время¹.

Круг научных интересов С. В. Бахрушина был чрезвычайно широк: от Киевской Руси до XIX в., от характеристик отдельных исторических личностей до широких полотен исторического развития России, от пропагандистских и популярных статей для массового читателя до академических капитальных исследований.

С. В. Бахрушин, говоря о своих научных изысканиях, делил их тематику на 4 группы:

1) по истории Русского государства XV—XVII вв., 2) по истории Киевской Руси, 3) по истории Сибири и 4) прочие работы.

Но при всей широте научных интересов С. В. Бахрушина главное место в его творчестве занимают труды по истории Сибири. Ей он посвятил более 40 работ, которые составили целый этап в советском сибиреведении.

¹ Список трудов С. В. Бахрушина см. в книге: С. В. Бахрушин, «Научные труды», т. 1, М., 1952, стр. 9—20; т. 3, часть вторая, М., 1955, стр. 273—276.

Уже вскоре после своей первой научной статьи «Княжеское хозяйство XIV—XVI вв.», опубликованной в 1909 г.¹, С. В. Бахрушин заинтересовался и начал заниматься сибирской тематикой. В 1916 г. он опубликовал работу «Тусемные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова»², и с тех пор интерес к сибирским сюжетам у него уже никогда не исчезал. Занятия вопросами общерусской истории, педагогическая деятельность в МГУ и в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), руководство сектором истории СССР до XIX в. Института истории АН СССР не оторвали его от сибирских привязанностей.

Крупнейший представитель советской сибирской историографии 20—40-х годов С. В. Бахрушин был настоящим патриархом сибиреведов тех лет. Он систематически публиковал свои оригинальные труды, выступал в качестве редактора сибиреведческих изданий, готовил дипломников и аспирантов по сибирской тематике, активно участвовал в работе научных конференций и совещаний, посвященных вопросам изучения Сибири.

В истории Сибири почти нет проблем, которых С. В. Бахрушин в той или иной мере не затрагивал бы в своих исследованиях. Все, что он сделал для изучения Сибири, невозможно осветить в одной статье. Мы постараемся выделить и рассмотреть лишь то, что, по нашему мнению, наиболее существенно для творчества С. В. Бахрушина и наиболее существенно с точки зрения развития советского сибиреведения в прошлом, настоящем и будущем.

Во-первых, это вклад С. В. Бахрушина в источниковедение, историографию и историческую географию Сибири.

Во-вторых, его вклад в изучение проблемы освоения Сибири русским народом.

В-третьих, вклад С. В. Бахрушина в разработку истории нерусских народов Сибири.

В-четвертых, творческий почерк С. В. Бахрушина.

Приступая к изучению сибирских сюжетов, С. В. Бахрушин прежде всего обратил свое внимание на источники и состояние сибирской историографии.

В своей первой работе «Тусемные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова» (1916), а затем в «Очерках по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.» (1927 г.) С. В. Бахру-

¹ Сборник статей в честь В. О. Ключевского, М., 1909, стр. 563—604.

² «Исторические известия», М., 1916, № 3—4.

шин дал тонкий анализ сибирских летописей — важнейшего источника по ранней истории Сибири.

Наблюдения о происхождении, характере и взаимоотношении сибирских летописей, сделанные С. В. Бахрушиным, вошли в золотой фонд источниковедения Сибири. Несмотря на появление затем капитальных исследований на эту тему А. И. Андреева и А. А. Введенского¹, работы С. В. Бахрушина о сибирских летописях до сих пор сохраняют большую значимость.

С. В. Бахрушин первый из исследователей нарушил формально-сравнительную традицию изучения житийной литературы. Он провел тщательное критическое изучение легенды о Василии Мангазейском в свете фактических данных, извлеченных из актов XVII в. Это позволило ученому выявить конкретно-историческую обстановку и показать социальную среду, в которой возникла легенда о мангазейском «святом».

В течение всей своей жизни С. В. Бахрушин работал в государственных архивохранилищах над изучением актовых материалов. Особенно много и плодотворно он трудился в Центральном государственном архиве древних актов над материалами Сибирского приказа — основного собрания источников по истории Сибири. Благодаря этому С. В. Бахрушин собрал огромный архивный материал по истории Сибири феодального периода, ввел его в научный оборот и мастерски проанализировал.

С. В. Бахрушин был одним из пионеров изучения историографии Сибири. В 1925 г. он выступил со статьей «Основные течения сибирской историографии». Затем через два года вернулся к этим сюжетам в «Очерках по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.», а еще через 10 лет опубликовал статью «Г. Ф. Миллер как историк» (в академическом издании «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера).

Эти работы С. В. Бахрушина, наряду с историографическим введением в «Очерке истории Сибири» В. И. Огородникова, были первыми попытками создания сибирской историографии с XVIII до начала XX в. Они не теряют своего значения до наших дней. Правда, С. В. Бахрушин сильно преувеличивал значение Миллера как историка. Но этот недостаток далеко перекрывается другими достоинствами его оригинальной кон-

¹ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири XVII в., Л., 1940; Изд. 2, М.-Л., 1960; А. А. Введенский. «Дом Строгановых в XVI—XVII веках», М., 1962.

цепции и глубоким анализом основных течений русской дворянской и буржуазной историографии Сибири.

С. В. Бахрушин внес неоценимый вклад в развитие исторической географии Сибири. В книге «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.» автор блестяще исследовал пути в Сибирь и процесс русского продвижения по Сибири. Эта работа до сих пор является настольной книгой для всех, кто занимается историей Сибири феодального периода.

Приступая к изучению конкретно-исторических проблем Сибири, С. В. Бахрушин наметил задачу исследовать историю русской колонизации Сибири в XVI—XVII вв.

Кроме выше отмеченных источниковедческих, историографических и историко-географических сюжетов, в разработанный им план входили разделы: 1) о русской колонизации в XVI—XVII вв., 2) о сибирских народах в XVI—XVII вв., 3) об управлении и финансах Сибири в XVI—XVII вв.

Все это планировалось выполнить на основе впервые поднимавшихся автором источников. В ходе работы С. В. Бахрушин убедился, что выполнение такого обширного плана не под силу одному человеку. Но ему все же удалось много сделать в намеченном направлении.

С именем С. В. Бахрушина связано новое направление в изучении русской колонизации Сибири и новое понимание этого вопроса в целом. Именно благодаря его трудам был нанесен сокрушительный удар буржуазной теории военно-правительственного присоединения Сибири.

С. В. Бахрушин первый обратился к изучению деятельности в Сибири торгово-промыслового населения, исходя из того, что главным стимулом русского продвижения в Сибирь в XVI — начале XVII вв. были несметные пушные богатства этого края. При этом рассмотрение деятельности русских торговцев и промысловиков в Сибири у Бахрушина неразрывно связано с изучением проблемы образования всероссийского рынка, проблемы, которая занимала в его общенациональных интересах и воззрениях центральное место. В сибиреведческих работах эта тема у него проходит через всю творческую биографию, начиная с 20-х годов.

В работах «Покрута на соболиных промыслах в XVII в.», «Торги гостя Никитина в Сибири и Китае», «Сибирские слободчики», «Торговые крестьяне в XVII в.», «Агенты русских торговых людей в XVII в.», «Военно-промышленные экспедиции торговых людей в Сибири в XVIII в.», а также в общих работах по колонизации Сибири С. В. Бахрушин блестяще рас-

крыл одну из важных сторон русской колонизации Сибири в XVII в. — освоение пушных богатств края.

Он исследовал различные стороны жизни и деятельности пришлого торгово-промыслового населения в Сибири: организацию пушных промыслов, систему эксплуатации на них охотников, размах и характер торговли в Сибири отдельных представителей крупного русского купечества, роль сибирской торговли в накоплении купеческих капиталов. При этом С. В. Бахрушин убедительно показал, что русские торговцы и промысловики сыграли большую роль не только в освоении, но и в занятии Сибири. Они нередко продвигались на восток впереди служилых людей, открывая для русского государства новые «неясачные земли».

С. В. Бахрушин сделал много для становления на подлинно научную основу изучения истории народов Сибири.

В своих работах «Самоеды в XVII в.», «Исторические судьбы Якутии», «Ясак в Сибири в XVII в.», «Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв.», «Сибирские служилые татары в XVII в.», «Основные линии истории обских угров», «Енисейские киргизы» и в других, он один из первых среди советских историков поставил задачу выяснения вопроса о социальном строе народов Сибири XVI—XVII вв. и осветил положение этих народов в условиях эксплуатации царизмом.

С. В. Бахрушин отмечал у некоторых народов Сибири XVI—XVII вв., например, у якутов и бурят, начальные процессы феодализации. Вместе с тем он подчеркивал силу первобытно-общинных отношений у народов Сибири. Эта концепция С. В. Бахрушина, если не является господствующей в современной литературе, то во всяком случае обязательно учитывается и влияет на общие выводы историков о социальном строе народов Сибири. Что касается наблюдений С. В. Бахрушина об управлении и характере эксплуатации нерусского населения Сибири царизмом, то они до сегодняшнего дня являются основой для наших суждений по этим сюжетам. Кроме личных исследований по истории народов Сибири, Сергей Владимирович вел большую работу по редактированию трудов, посвященных этой тематике. Он был редактор I тома «Истории Якутии» А. П. Окладникова «Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству» (1949 г.), сборника «Якутия в XVII в.», (1953), книги И. И. Огрызко «Христианизация народов Тобольского Севера в XVII в.» (Л., 1947) и других изданий.

Немалый вклад С. В. Бахрушин внес в изучение управле-

ния Сибири. Его работы «Воеводы Тобольского разряда в XVII в.», «Воеводское управление Якутии», «Павел Хмелевский», «А. Ф. Палицын» и другие заложили основу современного понимания характера и специфики управления Сибири в XVI—XVII вв.

В последние годы жизни С. В. Бахрушин близко подошел к решению еще одной очень важной задачи — комплексного изучения различных сторон социально-экономической и политической жизни одного из уездов Сибири. Такую работу он осуществил на материале Красноярского уезда, рассмотрев вопросы формирования населения уезда, развития земледелия, ремесла, торговли у различных категорий русского и ясачного населения, управление и общественную жизнь.

Правда, эта работа не была доведена до конца. Ряд указанных вопросов освещены в ней фрагментарно. Но даже в незаконченном виде ее посмертное опубликование очень полезно для развития сибирской историографии и несомненно принесет большую пользу при дальнейшем изучении самых различных сторон истории Сибири.

В работах С. В. Бахрушина по истории Сибири как и в его общен исторических построениях имеются спорные и порою совсем неверные положения и выводы. Частично они обусловлены общим состоянием советской исторической науки 20—40-х годов, частично не до конца преодоленным автором наследием буржуазной науки.

Под влиянием традиционных представлений дворянской и буржуазной сибирской историографии С. В. Бахрушин в течение многих лет рассматривал процесс вхождения Сибири в состав Русского государства как процесс завоевания¹. Эта точка зрения в годы господства в советской науке исторической школы Покровского была распространена очень широко. Историки, стремясь развенчать царизм и царскую Россию как тюрьму народов, сгущали краски, проходили мимо очевидных фактов, противоречащих концепции «завоевания», и нередко не обращали внимания на то, что между царизмом и русским народом нельзя ставить знак равенства. Не случайно в выше отмеченный план своих исследований по Сибири С. В. Бахрушин в раздел о русской колонизации внес очерк «Военная оккупация».

Позднее, по мере накопления более обширного материала,

¹ В. И. Шунков. Труды С. В. Бахрушина по истории Сибири — С. В. Бахрушин. Научные труды, т. 3, часть первая, М., 1955, стр. 9.

учета крайней малочисленности первых русских отрядов и стремления отдельных групп сибирского населения к добровольному вхождению в состав Русского государства, С. В. Бахрушин начал пересматривать свои первоначальные представления и вместо термина «завоевание» стал применять термин «присоединение». Но этот пересмотр позиций так и не был полностью завершен, хотя в целом новые представления автора нашли уже отчетливое выражение в одной из последних его статей «Положительные результаты русской колонизации в связи с присоединением Якутии к Русскому государству»¹.

Значительную эволюцию пережили взгляды С. В. Бахрушина по вопросу о взаимоотношениях русского народа и народов Сибири. Концепция завоевания и ограниченная трактовка взаимоотношений только отношением к народам Сибири русского царизма долго мешали правильному пониманию Сергеем Владимировичем этого важного вопроса. Главным препятствием на пути к правильному пониманию указанного вопроса было отсутствие среди работ самого С. В. Бахрушина и других историков 20 — начала 40-х годов исследований о положении основных слоев трудового русского населения в Сибири — русского крестьянства и низов посадского и служилого населения. Не изучив их роль в развитии производительных сил края и взаимоотношения этого населения с нерусским трудовым населением в сфере производства и общественной жизни, нельзя правильно понять и оценить взаимоотношения народов.

Тем не менее, С. В. Бахрушин со временем освобождался от ошибочных воззрений в данном вопросе. В отмеченной статье «Положительные результаты русской колонизации в связи с присоединением Якутии к Русскому государству», а также в заключительной главе сборника «Якутия в XVII в.» и в докладе на научной сессии в Якутске в 1948 г. об очередных задачах исторического изучения Якутии, С. В. Бахрушин отмечал, что присоединение Сибири вело не только к обогащению феодального государства, служилой бюрократии и купцов, но оно имело прогрессивное значение и для самих народов².

При изучении русской колонизации Сибири в XVI—XVII вв. С. В. Бахрушин правильно обратил внимание на важную

¹ С. В. Бахрушин. «Научные труды», т. 3, ч. 2, М., 1955, стр. 236—253.

² В. И. Шунков. Указ. соч., стр. 9—10.

роль в ней торгово-промыслового населения, но несколько преувеличил эту роль. Это привело, с одной стороны, к недооценке роли централизованного феодального государства и, с другой стороны, к недооценке роли русского трудового народа в деле присоединения края и развития его производительных сил¹.

С. В. Бахрушин фактически прошел мимо деятельности в Сибири русских земледельцев и ремесленников, мимо мероприятий правительственной администрации по организации государственной пашни, мимо вольной крестьянской и посадской колонизации. Единственный его сюжет на эту тему «Сибирские слободчики», рассматривающий деятельность удачливых предпринимателей, помещавших свои капиталы с целью наживы в земледелие, преследует одну цель — дать дополнительный материал для доказательства тезиса автора о ведущей роли купечества в деле освоения природных богатств Сибири. Эта ярко написанная в бахрушинском стиле статья, не затрагивает основных вопросов земледельческого освоения края. Лишь в последней, посмертно опубликованной работе по истории Красноярского уезда, автор намечает более широкое рассмотрение вопроса о крестьянской колонизации края.

Между тем, как это убедительно показано В. И. Шунковым и другими исследователями, только формирование контингента постоянного населения края — крестьян и посадских людей, и развитие земледелия, ремесла и промышленности закрепило Сибирь в составе России.

Недостатки общей характеристики С. В. Бахрушиным русской колонизации Сибири в XVI—XVII вв. в известной мере обусловлены незавершенностью его работ.

Однако в значительной мере они объясняются общетеоретическими построениями ученого по проблеме всероссийского рынка. В этих построениях был существенный недостаток, не преодоленный им до последних лет жизни — переоценка роли товарного обращения и недооценка товарного производства.

Проблему образования всероссийского рынка он рассматривал, прежде всего, как проблему товарного обращения. Отсюда повышенный интерес к деятельности торговцев и недостаточное внимание к непосредственным производителям материальных благ.

¹ В. И. Шунков. Указ. соч., стр. 8; А. Н. Копылов. Бахрушин Сергей Владимирович. Советская историч. энциклопедия, т. 2, М., 1962, стр. 177.

Видимо, в этом, как отмечает В. И. Шунков, «отчасти сказало влияние русской буржуазной экономической школы историков, в условиях влияния которой в дореволюционные годы формировался молодой ученый»¹.

Однако при наличии некоторых недостатков и слабостей в теоретических построениях С. В. Бахрушина, это был один из самых крупных ученых, когда-либо занимавшихся изучением истории Сибири.

Воспитанный буржуазной наукой, он пережил крупный перелом в своих исторических воззрениях. Искренне стремясь овладеть марксизмом, С. В. Бахрушин во многом был близок к поставленной задаче. Иногда он находил правильные решения не совсем осознанно, путем интуиции крупного ученого. Дав новую постановку вопроса о характере русской колонизации Сибири и выяснив в ней роль торгово-промышленного населения, он вплотную подошел к марксистскому решению проблемы всероссийского рынка, проблемы о путях первоначального накопления в России и роли Сибири в формировании русских капиталов. Разрабатывая историю народов Сибири и вопросы управления, С. В. Бахрушин подошел к решению вопроса о специфике положения и путях развития Сибири в составе царской России.

Вклад С. В. Бахрушина в изучение истории Сибири не ограничивается его блестящими трудами по источниковедению, историографии, исторической географии и истории Сибири XVI—XVII вв. Это был историк крупного масштаба. Он постоянно следил за развитием исследовательской работы по истории Сибири в целом. Выступая с докладом на первом Сибирском краевом съезде в 1928 г. о задачах исторического изучения Сибири, С. В. Бахрушин выдвинул перед сибирскими историками 3 важнейшие задачи: 1) изучение истории коренных народов Сибири с древнейших времен до наших дней, 2) истории освоения края русским народом с XVI в. до наших дней и 3) изучение истории связей Сибири с сопредельными странами². С. В. Бахрушин при этом особенно подчеркивал необходимость усиления исследования первоначального освоения Сибири русским народом, периодов революций 1905 и 1917 гг. и гражданской войны, без углубленного изучения которых невозможно понять процессы, протекающие в периоды между ними.

¹ В. И. Шунков. Указ. соч., стр. 8.

² С. В. Бахрушин. Историческое изучение народов Севера, «Научные труды», III, часть 2, стр. 225—226.

В 1947 г. в докладе на первой научной сессии Якутской базы АН СССР об очередных задачах исторического изучения Якутии С. В. Бахрушин вновь развил мысль о необходимости изучения истории народов Сибири в тесной связи с историей русской колонизации. Следует особо отметить также и постоянный все углубляющийся с годами интерес С. В. Бахрушина к археологии. Сам он всю жизнь занимался письменными источниками, был типичным историком в «чистом виде», но высоко расценивал и все другие источники для исторического исследования, в том числе археологические, этнографические, лингвистические. Был убежденным сторонником комплексности наук в разрешении таких сложных проблем как этническая история, этногенез. Как историк Сибири он придавал археологии особо важное значение. Археология была для него основным источником сведений о дописьменной истории Сибири, о прошлом большинства ее народов, не знавших собственной письменности до соприкосновения с русскими. Отношение его к археологии Сибири нашло выражение, прежде всего, в его историографических взглядах, в характеристике трудов предшественников, начиная с тех, кто писал еще в XVII—XVIII веках. Еще в ходе первоначального продвижения на Север и освоения его девственных пространств русские колонисты, пишет Бахрушин, «встречали признаки предшествующей жизни» — чудские городища, печища и дворища, поросшие нередко вековым лесом. На Иртыше они услышали от татар предания о том, как родоначальник сибирских беков Тайбуга покорил местную чужд, не знавшую «закона». Этой «чужди», мифическим аборигенам Сибири сибирские легенды, а вслед за ними Григорий Новицкий приписал археологические памятники — древние могилы и поселения, находки дорогих изделий из золота и серебра. С «чуждью» связана была и легенда о ее гибели, записанная Гр. Новицким: «народ чутцкий» выкопал в земле глубокие рвы, построил над ними крышу на столбах, а затем «подсекше столпы» задавил себя вместе со всем своим имуществом. Так родилась первая теория о происхождении археологических памятников в степях Южной Сибири, поражавши бугровщиков изобилием драгоценных вещей и погребенными в курганах костяками древних людей¹.

В дальнейшем зарождается историческая наука в собственном, настоящем смысле этого слова, и археологические

¹ С. В. Бахрушин. Историческое изучение народов Севера, «Научные труды», III, часть 2, стр. 225—226.

памятники получают новую интерпретацию. Они становятся историческим источником.

Как сильную сторону работы Семена Ремезова над его знаменитой «Чертежной книгой» он отмечает его внимание к археологическим источникам по дорусскому прошлому Сибири. Ремезов, пишет Бахрушин, «интересовался» и «археологией» изучаемого им края, и сам рассказывает, что при собирании географических материалов расспрашивал и про «древних чудских и кучумовских жилья, мольбища, крепости и курганы», и в его атласе попадаются указания на «городища», на развалины («мечеть урочище Калбагасун пустой») и т. д.»¹.

Вспоминая неизданные труды Мессершмидта, он снова отмечает, что в них наряду с географическим и этнографическим материалом «имеются и ценные данные по археологии»². Кстати сказать, теперь эти археологические материалы стали достоянием науки в недавно изданном в ГДР на немецком языке томе дневников Мессершмидта. В своем специальном историографическом обзоре трудов Миллера С. В. Бахрушин пишет, что «первым из русских историков обратился Миллер и к археологии», что он «первый оценил важность изучения археологических древностей, из которых о древних временах и приключениях хотя и не совершенное, однако же не совсем отметное свидетельство получить можно». «Археология, по его словам, «как получает свет из истории, так и взаимно ей общается»³. Миллер, говорит он, производил археологические раскопки с увлечением и привез из Сибири большую коллекцию могильных древностей, происходившую из древних могил Западной Сибири и долины Енисея⁴. «С захватывающим интересом» читается в дневнике Гмелина, по его словам, описание обследования академиком развалин калмыцких монастырей в Джунгарии. «Нельзя без волнения читать в описании Гмелина», продолжает Бахрушин, и «не лишенное опасности проникновение в пещеру, где будто бы похоронен «кочевой царь»⁵.

В заслугу Миллеру ставится Бахрушиным изучение рунических надписей на Енисее, а также татарских, остяцких и

¹ С. В. Бахрушин. Г. Ф. Миллер как историк Сибири. Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 1. М.-Л., 1937, стр. 7.

² Там же, стр. 8.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

тунгусских городищ. Миллер, однако, интересовался не только археологическими памятниками дорусского прошлого Сибири, «не ограничивался изучением туземных городищ. Он направил свои исследования и на русские городища и в этом опережает специалистов-археологов, которые лишь в недавнее время стали подходить к сознанию необходимости производства раскопок на местах позднейших поселений»¹.

Эти мысли С. В. Бахрушина о важности археологических работ, направленных на изучение памятников старинной русской культуры в Сибири нашли свое подтверждение сначала в раскопках остатков Иркутского острога, произведенных местными историками и археологами по инициативе Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества (ВСОРО), а затем в исследованиях остатков русской полярной экспедиции, снаряженной вольными мореплавателями-промышленниками в начале XVII века и погибшей у берегов Таймыра.

Он принял сам активное участие в разработке проблем, которые встали перед исследовательским коллективом историков и археологов, занятым всесторонним изучением богатейшей коллекции с острова Фаддея и из залива Симса, оставшейся от снаряжения этой экспедиции. Ему принадлежит специальная статья о снаряжении русских промышленников в Сибири в XVII веке, изданная в сборнике, посвященном этим уникальным находкам на пустынных полярных берегах Сибири². В ней с исчерпывающим знанием фактического материала дана отчетливая, можно сказать, по-бахрушински стереоскопически выпуклая картина подготовки и технического оснащения тех русских людей, которые за каких-нибудь столет овладели безграничными пространствами дикой тайги и тундры от Урала до Тихого океана. В этой статье, как и во всех других его работах за вещами и скупыми строками архивных документов перед исследователем встает живой человек прошлого, с его страстями и чувствами.

С. В. Бахрушин не только внимательно следил за работами советских археологов, изучавших на его глазах ранее неизвестные древние культуры сибирских народов, но и высоко расценивал их значение для истории, в особенности для пони-

¹ Там же, стр. 29.

² С. В. Бахрушин. Снаряжение русских промышленников в Сибири в XVII веке. В кн. «Исторические памятники русского арктического мореплавания XVII в.», М.-Л., 1951, изд. Главсевморпути, стр. 86—92.

мания культурных связей с другими народами и странами

С. В. Бахрушин с большим эмоциональным подъемом отозвался на капитальную работу С. В. Киселева о древней истории Южной Сибири, которая явилась первым опытом обобщения на марксистской основе огромного документального материала, накопленного русской и советской наукой в ранней истории Минусинского края и Алтая. В ней Бахрушин увидел новый обширный мир древних культур глубинной Азии, свидетельство о столь же длительной как и сложной истории Сибири¹. С таким же глубоким чувством удовлетворения он встретил и результаты новых археологических раскопок на еще более отдаленных от признанных центров мировой цивилизации пространствах Крайнего Севера Сибири в Субарктике и Арктике.

В своей программной работе, посвященной историческому изучению народов Севера он писал: «советская археология сделала чрезвычайно много для разрешения труднейших вопросов древней истории Севера». В качестве примера им приведены в этой работе находки на Среднем и Нижнем Приобье, свидетельствующие о культурных связях между жителями Обского севера и степными скотоводческими племенами в первом тысячелетии до нашей эры, в том числе глиняные котлы из Ханты-Мансийского округа, копирующие скифские котлы, о которых писал Геродот. Здесь, в этом отдаленном углу Крайнего Севера, по мысли Бахрушина скрещивались сложные культурные влияния и этот факт «разрушает старое представление об исторической его изоляции». Еще замечательнее с этой точки зрения памятники берингоморской культуры в Арктике и «совсем неожиданные результаты» раскопок в Якутии в 1939—1946 гг.².

К мысли о исключительно важном значении археологических материалов для истории северных народов Сибири С. В. Бахрушин возвращается и в другой своей программной статье — докладе об очередных задачах исторического изучения Якутии.

«Новым и неопределенным источником по древнейшей истории являются», сказано в этом докладе, «данные археологических исследований, получивших такой широкий размах при советской власти». Археологические раскопки в Якутии, го-

¹ С. В. Бахрушин. Новые страницы истории Сибири (о книге С. В. Киселева. Древняя история Южной Сибири. М.-Л., 1949). «Новый мир», М., № 4, стр. 283—285.

² С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, часть вторая, стр. 23.

ворится далее, раскрыли «новую страницу не только в изучении якутских древностей, но и в мировой археологической науке, — открытия, которыми справедливо может гордиться якутская наука». «На Лене, начиная с ее верховьев и кончая низовьями выявлены следы древнейших местных приленских культур, а с другой стороны протянута связующая нить между прибайкальскими и приленскими культурами».

При этом новые археологические материалы приобретают наибольшую силу в сочетании с данными языка и этнографии. Идя таким комплексным путем, советские исследователи приходят к важным новым выводам о прошлом северных народов — о их происхождении и этнической истории, о их древних культурах и взаимоотношениях с окружающим миром. Одним из примеров такого комплексного многостороннего анализа служат по мнению С. В. Бахрушина исследования ранней истории и этногенеза якутского народа¹.

Эти работы и выраженные в них принципиальные положения представляют как бы последнее, напутственное, слово большого ученого и друга северных народов, обращенное к продолжателям его исследований.

В них С. В. Бахрушин выступает как историк-марксист, как убежденный и страстный сторонник той концепции исторического процесса в Сибири, которая противоположна взглядам старой буржуазной и дворянской науки. Для него народы Сибири — творцы собственных и по своему ярких культур и своей истории.

В основе их истории лежит процесс развития производительных сил, осложненный суровыми условиями Севера, но в основе прогрессивный. В результате трудов советских ученых оказалось, что «народы, которые, казалось, застыли на определенной ступени своего развития, имеют богатое историческое прошлое»².

Отсюда вытекает, несомненно, и та высокая оценка, которая дается в его работах достижениям советской археологической науки в Сибири. Такая оценка подготовлена была всем предшествующим путем, по которому он шел как историк Сибири, как исследователь прошлого ее коренных народов. К народам этим он относился не высокомерно и не равнодушно, а с искренней симпатией, в полном смысле слова — по чело-

¹ С. В. Бахрушин. Очередные задачи исторического изучения Якутии. «Научные труды», т. 3, часть вторая, стр. 263—272.

² Там же, стр. 263.

вечески. Светлый гуманистический дух, воодушевлявший Бахрушина и руководивший в его исследовательской деятельности на протяжении десятилетий, получил полную свободу и большую осмысленную цель после Октября, когда в его мировоззрении произошел решительный поворот к материалистическому пониманию истории. Это был поворот и к ленинской национальной политике, которую Бахрушин принял как истинную правду истории: именно так звучат его слова, обращенные к историкам Якутии сразу после окончания Отечественной войны, в дни празднования 25-летия Якутской Республики.

С. В. Бахрушин очень внимательно относился к воспитанию кадров историков, особенно местных, следил за их успехами и всячески поддерживал. Он одним из первых обратил внимание на работы по археологии и истории Сибири С. В. Киселева, В. И. Шункова, А. П. Окладникова и дал им высокую оценку¹.

С. В. Бахрушин воспитал целую историческую школу сибиреведов, блестящую плеяду учеников и последователей, которые, продолжая начатое им дело марксистско-ленинского освещения истории Сибири, пошли дальше наставника. Среди них прежде всего следует назвать крупнейшего из исследователей истории Сибири феодального периода члена-корреспондента АН СССР В. И. Шункова, который поднял изучение русской колонизации Сибири на новую ступень. Будучи уже воспитанником советской исторической школы, как говорится марксистом от рождения, В. И. Шунков не только продолжил дело, начатое Бахрушиным, но, капитально исследовав земледельческое освоение Сибири в XVII в., открыл новое направление и новый этап в изучении Сибири.

Характеристика С. В. Бахрушина будет неполной, если не сказать о яркой манере письма, большом литературном таланте С. В. Бахрушина. Он обладал совершенно удивительной и редкой среди историков способностью соединять академическую ученость с прекрасным литературным стилем. По образительной силе, по лепке характеров исторических личностей и по образному описанию событий далекого прошлого Сергей Владимирович Бахрушин принадлежит к числу тех немногих советских историков, кто может сравниться с певцом русской истории Василием Осиповичем Ключевским.

Трудами наших современников, историков Сибири 50—60-х

годов марксистско-ленинское освещение истории Сибири ушло значительно вперед по сравнению с тем, что было достигнуто при жизни С. В. Бахрушина. Но историки-сибиреведы, как и все историки СССР, хорошо помнят и чтут большие заслуги перед советской исторической наукой этого выдающегося исследователя-писателя, шедшего нехоженными тропами и оставившего яркий след в науке.

¹ Там же, стр. 264—265.